

DOI 10.24412/1026-8804-2022-3-130-142

УДК 947.084.6 (571.6)

Отношение дальневосточников к карточному распределению (1929—1934 гг.)

Лариса Александровна Дударь,

кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: dudar.la@dvfu.ru

Александр Александрович Исаев,

кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

В статье на основе архивных документов исследуются проблемы организации и функционирования системы нормированного распределения на Дальнем Востоке СССР в 1929—1934 гг., а также анализируются особенности восприятия данной системы населением региона. К концу 1920-х гг. в снабжении населения продовольствием и товарами широкого потребления наметился кризис, связанный с индустриализацией и коллективизацией. Возникшие продовольственные затруднения вынудили советское партийно-политическое руководство обратиться к практике нормированного распределения основных потребительских товаров. Особо остро проблема снабжения обозначилась на Дальнем Востоке, который во многом зависел от поставок продовольствия и промышленных товаров из центра. Частые перебои с поставками вынуждали местные власти идти на прямое нарушение действующих норм и правил распределения. Функционирование карточной системы распределения вызвало ответную реакцию различных социальных групп дальневосточного населения. Она была неоднозначна и проявлялась в позитивных и негативных высказываниях и выступлениях, отказах от трудовой деятельности, нарушении трудовой дисциплины, увеличении текучести кадров рабочих и служащих и т.д. Наибольшее возмущение вызывали отсутствие порядка при выдаче заборных книжек и реализации продукции; рост цен; большие очереди; злоупотребление служебным положением ответственными работниками, отвечающими за снабжение; наличие системы закрытых распределителей; хищение товаров сотрудниками товарных баз и магазинов и т.д. Несмотря на проводимые властью мероприятия для нормализации снабжения и предупреждения отрицательных

реакций населения, ситуация в сфере снабжения продолжала оставаться сложной вплоть до отмены карточного распределения в 1935 г.

Ключевые слова: карточная система, кооперативная торговля, общественные настроения, критика государственной политики, система нормированного распределения, закрытые распределители.

The Attitude of the Far East to the Card Distribution (1929–1934).

Larisa Dudar¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: dudar.la@dvfu.ru.

Aleksandr Isaev, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru.

Based on archival documents, the problems of organization and functioning of the normalized distribution system in the Far East of the USSR between 1929 and 1934 are studied, and the peculiarities of perception of this system by the population of the region are analyzed. By the end of the 1920s, there was a crisis in the food supply and consumer goods due to the industrialization and collectivization. Food problems forced the Soviet leadership to turn to the practice of normalized distribution of basic consumer goods. The supply problem was particularly acute in the Far East, which largely depended on the supply of food and industrial goods from the center. Frequent interruptions in supplies forced local authorities to seek a way out in violation of the current rules and regulations of distribution. The functioning of the card distribution system caused an ambiguous response from various social groups of the Far Eastern population. It was manifested in positive and negative statements and speeches, refusal to work, violation of labor discipline, increased turnover of workers and employees, etc. The greatest indignation was caused by the lack of order in issuing passbooks and selling products, rising prices, long queues, abuse of official position of responsible trade workers, the presence of a system of closed distributors, theft of goods by employees of commodity bases and stores, etc. Despite the measures taken by the authorities to normalize supply and prevent negative reactions, the situation continued to be difficult until the abolition of card distribution in 1935.

Keywords: card system, cooperative trade, public sentiments, criticism of state policy, normalized distribution system, closed distributors.

В современной России периодически поднимается вопрос о введении карточек, которые позволили бы малообеспеченным гражданам приобретать товары первой необходимости по ценам ниже рыночных. В истории страны карточная система вводилась неоднократно. Во время войн и сопутствовавшей им острой нехватки продуктов и товаров их распределение государство контролировало с разной степенью жёсткости. В этой связи актуальным является обращение к периоду 1929–1934 гг. с целью выявить особенности организации торговли по карточкам на Дальнем Востоке СССР и проследить,

как различные категории населения региона относились к этой системе распределения, введённой впервые в мирное время.

История дальневосточной торговли в рассматриваемый период получила развитие в историографии лишь в последнее двадцатилетие. Исследовательский интерес к этой теме отчасти стал итогом продолжающегося процесса открытия центральных и региональных архивов. Первые попытки рассмотреть отдельные аспекты — в основном с точки зрения текущих хозяйственных задач периода карточного снабжения — относятся к 1930-м гг. [1; 2; 15]. Затем, после длительного перерыва, в 1960-е гг. были опубликованы монографии по истории внутренней торговли СССР Г.А. Дихтыра [8], Г.Л. Рубинштейна [19], А.Н. Малафеева [14], в которых впервые на основе анализа большого количества архивных источников была тщательно восстановлена событийная цепь развития торговли в общесоюзном масштабе. Их авторы, всецело находясь в рамках официальной методологической концепции, раскрывали содержание политических решений по вопросам торговли в разные периоды советской истории.

Публикации учёных, затронувшие различные аспекты истории внутренней торговли именно в 1929—1934 гг., появились только в 1990—2000-е гг. [7; 8; 16; 17]. Эти исследования отличают новый подход к проблеме, включение в научный оборот ранее не доступных и не использованных по различным причинам архивных документов, рассмотрение всего комплекса противоречий развития торговли в исследуемый период.

Вопросы истории нормированного распределения в СССР 1929—1934 гг. затрагивали зарубежные авторы, среди которых можно отметить исследования Ш. Фицпатрик, Д. Хесслер и Э. Рэндалл [23; 24; 28; 29]. В центре внимания исследователей находятся не только изменения системы советской торговли в 1930-е гг., но и реакция населения на них. Следует также упомянуть работы, которые позволяют рассматривать эволюцию дальневосточной торговли в тесной связи с общим социально-экономическим развитием Дальнего Востока [20; 21; 22; 27].

В последнее двадцатилетие уделяется внимание анализу механизмов коммуникации населения и власти [5; 13], а также реакции людей на мероприятия власти на рубеже 1920—1930-х гг., в том числе в сфере снабжения [3; 11; 12; 25; 26]. Однако проблема отношения дальневосточников к карточной системе распределения до настоящего времени не получила должного освещения и объективной оценки.

В основу исследования положен комплекс архивных документов, обнаруженных авторами в Российском государственном архиве Дальнего Востока, Государственных архивах Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области. Ценность использованных источников (информационных сводок, политических донесений и специальных сообщений и записок НКВД по ДВК¹ и политических отделов армейских и флотских воинских частей, докладных записок партийных и советских органов, отчётов о деятельности кооперативных и государственных торгующих организаций) заключается в достоверности сведений о событиях в регионе в рассматриваемый период. При этом содержание многих источников требует критического анализа с учётом того,

¹ ДВК — Дальневосточный край.

что значительная часть первичной информации в них подаётся с официальной позиции и предстаёт уже в переработанном и сгруппированном по определённым проблемам виде. Отсутствие в некоторых документах имён, дат, каких-либо свидетельств о социальной принадлежности упоминаемых в них людей, ошибки (в том числе и арифметические) в статистических отчётах торгующих организаций затрудняют работу с документами по данной проблематике.

Официально нормированное снабжение хлебом населения Дальневосточного края (ДВК) было введено с 1 марта 1929 г. Но для предотвращения массового социального недовольства в некоторых районах местные власти прибегли к нему раньше: на Камчатке — с весны 1927 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 79. Л. 316], в части округов Забайкалья — с 1 декабря 1927 г. [21, с. 421]. Применялись в том числе и чрезвычайные, «совершенно незаконные в нормальных условиях меры». Так, в Николаевске-на-Амуре округе всю муку, овёс и другие хлебопродукты окружному торгу было предложено взять на учёт, в какой бы государственной или кооперативной организации они ни находились, поскольку ситуация осложнилась и грозила взрывом недовольства населения [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 213. Л. 15]. Власти округа в 1928 г. сообщали в Далькрайисполком о «нежелательных конфликтах» на почве продовольственного кризиса, о случаях невыхода на работу строителей Госрыбтреста и горняков Керби-Союз-золота, об отъезде из округа значительной части квалифицированных рабочих. К началу строительного сезона рабочим выдавалась только мука и «почти совершенно никакого приварка». В исполком ежедневно обращались от 1 до 5 делегаций крестьян и представителей коренных народностей с просьбами выдать установленную норму муки, которую за май и июнь они не получили. Окружной исполком мог выдать им муку всего на неделю, что вызывало недовольство ехавших за ней 70—80 вёрст людей [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 213. Л. 16]. Признавая эти жалобы «вполне законными», власти округа не смогли самостоятельно исправить положение, поскольку снабжение отдалённых северных районов к тому времени уже целиком зависело от плановых централизованных завозов, не выполнявшихся вовремя и в полном объёме.

С 1929 г. в обиход дальневосточников прочно вошли понятия «карточки», «норма отпуска», «заборная книжка». Исходя из наличия ресурсов местные власти могли самостоятельно устанавливать нормы снабжения хлебом. Эти нормы зависели от степени важности различных предприятий региона для индустриализации: 800, 600 или 300 г [ГААО. Ф. Р-376. Оп. 2. Д. 55. Л. 21]. В большинстве городов и рабочих посёлков ДВК рабочие и служащие фабрик и заводов получали 600 г хлеба и муки в день. Для остальных категорий трудового населения и их иждивенцев эта норма была в 2 раза меньше — 300 г [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 172. Л. 30]. Классово-производственный принцип стал краеугольным в карточной системе, основное внимание уделялось обеспечению индустриальных рабочих. Изменилась организационная структура торговли, в том числе и дальневосточной: ведущее место в ней заняла потребительская кооперация [19, с. 288]. В 1932 г. удельный вес потребкооперации в общем товарообороте ДВК составил 76,5% [ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 5. Д. 9. Л. 1].

Тем не менее карточное распределение не гарантировало бесперебойного снабжения, часто возникал дефицит разных продуктов и промтоваров. С лета 1929 г. в ДВК мясом снабжались по карточкам только индустриальные

рабочие, всё остальное население края его не получало, так как имевшиеся ресурсы могли лишь на 22% удовлетворить потребность в них даже при минимальной норме [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 279. Л. 25]. По решению Далькрайкома ВКП(б) была проведена проверка количества снабжаемых с тем, чтобы сократить нормы потребления мяса и упорядочить обеспечение им населения [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 197. Л. 76]. В конце 1930 г. к проблеме недостатка мяса и жиров прибавилось отсутствие достаточных запасов хлеба [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 196. Л. 98]. Зимой 1930—1931 гг. в Посьете возник голод из-за полного отсутствия хлебопродуктов, поскольку не были вовремя отгружены 10 вагонов муки для посёлка. Решение вопроса затянулось на несколько недель [ГАПК. Ф. Р-1165. Оп. 1. Д. 146. Л. 3].

Во Владивостоке дефицит целого ряда продуктов питания в 1930 г. испытывали моряки Совторгфлота. Для 5238 чел., в том числе 1760 членов пароходных команд, включённых в план снабжения на этот год, было недополучено 309 ц мяса, 460 ц жиров, 78 ц чая, 936 ц риса, 632 ц макаронных изделий, 4986 ц муки, 472 ц сахара [ГАПК. Ф. Р-1166. Оп. 1. Д. 69. Л. 5]. Официально установленная для плавсостава норма 1200 г мяса в месяц была совершенно недостаточна для людей, работавших в море. Руководство предприятия взяло на себя смелость нарушить официально установленные нормы пайкового снабжения ради выполнения производственных заданий: «Если бы мы сейчас не дали норму 4080 г на едока мяса в месяц, то пароходы в рейс не отошли бы» [ГАПК. Ф. Р-1166. Оп. 1. Д. 69. Л. 6]. Возможно, поэтому его работники готовы были временно мириться с продовольственными затруднениями: «Ничего, что придётся сокращать своё потребление, раньше были времена и хуже» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 195].

Однако в целом настроения дальневосточников в начале 1930-х гг. были нерадостными. Люди устали от постоянного дефицита, очередей, скудных пайковых норм, частых сбоев в системе карточного снабжения. Не придавал оптимизма и рост цен на продукты питания и промышленные товары. Зимой 1932 г. розничные цены были повышены на 27—200% в городах и на 14—107% в сёлах [14, с. 116]. В 1933 и 1934 гг. рост цен продолжался и опережал увеличение заработной платы. Так, в 1934 г. среднемесячная зарплата рабочих и служащих составляла 249 руб. [4, с. 271], однако позволить себе покупать продукты в коммерческих магазинах и на рынке в дополнение к скудным пайкам могли только категории работников с высокой оплатой труда. Как отметил один из красноармейцев, «теперь в России живут хорошо только те, кто сидит у власти и получает по 500—1000 руб., а остальная масса народа сидит голодом» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303].

Очереди стали едва ли не основным атрибутом карточного распределения и одновременно своеобразной «трибуной» общественных настроений дальневосточников. В очередях часто были слышны разговоры: «Довела Советская власть до того, что за всяким пустяком создаются очереди. Чтоб они провалялись»; «До чего дожили, чтобы купить за свои собственные деньги рубашку нужно 3 часа в очереди стоять» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 298. Л. 131—132]; «Боролись, боролись за равенство и братство и, наконец, добились — в магазинах три очереди... Очередь специалистов в шляпах, заменяющих прежних дворян, для них продаётся все, что надо. Вторая очередь партизан — для них дают только губы помазать. И третья очередь — чёрная кость, это простые рабочие, мелкая

сошка, служащие, для них нет ничего. Вот за что боролись и за что кровь проливали, а пишут в газетах и везде проповедуют равенство и братство» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 477. Л. 20—21]. Это горькое высказывание работника аптечного склада станции Хабаровск Раковского об очередях ярко иллюстрирует ещё и отношение к жёсткому делению снабжаемого по карточкам населения на отдельные категории. Оно часто воспринималось получавшими только скудный минимум людьми как вопиющая несправедливость.

В условиях недостаточных централизованных поставок дальневосточная торговля не могла в полном объёме снабжать даже основные промышленные центры края. К примеру, летом 1931 г. значительно меньше необходимого количества крупы, рыбы, муки поступило в города Сучан и Артём в Приморье, а рабочие одного из крупнейших промышленных предприятий региона — Дальзавода (г. Владивосток) — только на 60% снабжались жирами и на 60% рыбой. Часто возникали проблемы с пайковым снабжением детей, красноармейских переселенцев, восточных рабочих, жителей национальных районов и даже начсостава РККА [18, с. 2; 8]. В начале 1932 г. были уменьшены нормы выдачи хлеба в крупных городах ДВК — Благовещенске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке, Хабаровске. При этом со снабжения были сняты неработавшие трудоспособные члены семей рабочих и служащих. Это объясняет, почему в общей массе причин, порождавших негативные высказывания о политике руководства страны, удельный вес недовольных настроений вокруг затруднений со снабжением был весьма значителен. В 1932 г. он составлял: в январе — 20%; в феврале — 15%; в марте — 17%; в апреле — 21% [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 300].

Сотрудники ОГПУ² отмечали большое количество высказываний, осуждавших политику Советской власти в деревне, коллективизацию сельского хозяйства, вывоз сельхозпродуктов за границу. Вот мнения рабочих различных предприятий, изложенные полномочным представителем ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерibasом в сводке «О снижении норм выдачи хлеба в ДВК». Плотник строительного участка Хабаровска: «Скоро рабочие подохнут от голоду, норму хлеба уже урезают, кто раньше получал 800 г, будет получать 400. Скоро совсем не будет хлеба, потому что отобрали землю у крестьян и раскулачили их». Слесарь кирпичного завода Хабаровска: «Дожили до того, что рабочим и фунта хлеба не стали давать. Эх, были бы все, как один, дружными, да забастовали бы всем заводом и производством, давай, мол, рабочим питание, будем работать, а не дадите, все бросим работу... Меньше бы отправляли за границу, а то рабочие с голоду подышают, а коммунисты продукты за границу отправляют» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 193].

Забастовочные настроения, прогулы, отток кадров с плохо снабжаемых предприятий фиксировались в ДВК всё чаще. Только в марте 1932 г. прошло 5 забастовок, охвативших отдельные группы рабочих и длившиеся 1—2 дня. 13 марта в Хабаровске на кирпичном заводе № 2 не вышло на работу 45 рабочих из-за уменьшения нормы выдачи хлеба, а 14 марта — ещё 30 чел., а также артель плотников в количестве 8 чел. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 192—193].

² ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР, специальный орган государственной безопасности СССР с 1923 по 1934 гг.

Участились случаи невыхода на работу китайских и корейских грузчиков. Объяснение было следующее: «ЦРК³ не даёт муки — не будем работать» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 195].

С середины 1932 г. донесения сотрудников ОГПУ о настроениях в обществе становились всё тревожнее. В конце 1932 — начале 1933 г. крайне обострилось состояние продовольственного обеспечения на лесозаготовках и рыбных промыслах Приморья: в Тернейском районе голодало 6500 чел., был отмечен всплеск заболеваемости, в Ольгинском районе совершенно не было муки. С января 1933 г. на рыбных промыслах о. Путятина рабочие получали 100—300 г хлеба в сутки, а их иждивенцы не снабжались вовсе. Настроение у людей было подавленным, многие отказывались работать. В пос. Зарубино из-за отсутствия хлеба 10 января 1933 г. бросили работу на промысле 40 мотористов, поставив на грань срыва путину 1933 г. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 943. Л. 4].

Отчасти проблемы с нормированным обеспечением населения товарами были обусловлены объективными обстоятельствами. За период 1928—1936 гг. население ДВК выросло в 1,7 раза, а городское — в 2,9 раза [4, с. 120]. Быстрые темпы промышленного развития региона при преобладании капиталовложений в развитие тяжёлой индустрии, традиционно слабое развитие отраслей лёгкой и пищевой промышленности, значительное сокращение в ходе коллективизации продовольственной базы не позволяли обеспечить в полной мере даже строго нормированное снабжение за счёт местных ресурсов. В основном дефицит продуктов и товаров первой необходимости покрывался за счёт завоза продуктов на Дальний Восток в рамках выделенных централизованных фондов. Но объёмы этих фондов были недостаточны, и планы завоза товаров в первой половине 1930-х гг. не выполнялись полностью [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 196. Л. 98]. Главной причиной такого положения был недостаток в стране этих товарных фондов, что было следствием снижения производства продуктов и предметов потребления в первой пятилетке [6, с. 281].

Но если с этими объективными трудностями дальневосточники в основном готовы были мириться, то недостатками организации системы снабжения, возникавшими по вине людей, призванных обеспечить её функционирование, справедливо возмущались. Особое неприятие вызывали причины, из-за которых даже по минимальным нормам отоварить карточки было проблематично. Это были и ошибки ответственных лиц в учёте снабжаемого населения, и отсутствие порядка при выдаче заборных книжек, и использование служебного положения занимавшими любые руководящие посты советскими и партийными работниками, и хищение товаров сотрудниками товарных баз и распределителей [9, с. 23—30], и огромные очереди в лавках из-за непрофессионализма продавцов, и обвес покупателей, и даже отказ продавцов выдавать хлеб под различными предлогами [ГААО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 1. Л. 15—16]. Всё это негативно сказывалось на общественных настроениях. Органы ОГПУ фиксировали антисоветские и антипартийные высказывания прежде всего представителей рабочего класса, который априори являлся главной социальной опорой советской власти. Даже среди считавшихся авангардом рабочего класса железнодорожников в первой половине 1930-х гг. часто отмечались политически опасные для

³ ЦРК — центральный рабочий кооператив, осуществлявший распределение по карточкам.

власти настроения: «Социализма нет и не будет, наделали разных распределителей, закрытых магазинов для коммунистов, их всех коммунистов расстреливать надо» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 477. Л. 19—20]; «Компартия ведёт неправильную политику по отношению к рабочему классу, коммунисты пооткрывали себе закрытые распределители и снабжают себя сами и свои семьи, а рабочие, как я, сидят голодные» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 768. Л. 196—197].

Самые непримиримые критики советского строя писали письма и воззвания, чаще анонимные, и распространяли их по предприятиям и организациям с целью подъёма волны народного недовольства. Письмо подобного содержания было обнаружено 29 июля 1934 г. в партийном комитете депо г. Никольска-Уссурийского [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 603. Л. 2—2 об.]. В разговорах тоже звучали резкие призывы: «Дожились, нечего жрать, хлеба и того не можем получить. В то время как другие хорошо снабжаются за счёт рабочих, это военные и сотрудники ОГПУ, которые ничего не делая, пожирают дармоеды. Их нужно не кормить, а перестрелять дармоедов» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 477. Л. 19].

Снабжение сельского населения в рассматриваемый период — это отдельный сюжет в истории нормированного распределения в ДВК [10, с. 15—19]. Крестьянство не было включено в систему карточного распределения, снабжение дальневосточной деревни носило характер отоваривания заготовок, как и в стране в целом. Однако регион всегда был зоной рискованного земледелия. Любые природные катаклизмы ставили под угрозу проведение заготовок сельхозпродукции. Так случилось летом 1928 г., когда из-за затяжных дождей и катастрофического наводнения в Амурском, Зейском и других округах случился сильнейший неурожай в производящих районах. Зимой 1928—1929 г. в деревнях многие семьи голодали. Весной 1929 г. 19,3%, а в ряде районов и 40—50% всего сельского населения Амурского округа нуждалось в хлебе и зависело от снабжения государства [22, с. 114]. Весной 1930 г. в Мазановском, Свободненском и Зейском районах на почве голода отмечался рост общих и особенно детских заболеваний и смертности. Вопрос о пайке стал одним из решающих мотивов крестьянских выступлений в этих районах [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 392. Л. 2].

Сводок о настроениях крестьян, недовольных отсутствием продовольствия, в начале 1930-х гг. становилось всё больше. Весной 1930 г. в Далькрайисполком пришло сообщение из Зейского округа о том, что посевики в колхозах после первых дней работы «падают с ног, не могут выработать установленных норм. Клянут открыто всех, не стесняясь в выражениях. Растёт недовольство. Везде и у всех разговоры исключительно о пайке» [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 392. Л. 2—2 об.]. Сотни ходяков, женщин с голодными детьми шли в исполкомы разного уровня с просьбами о продовольственной помощи. Создавалась взрывоопасная ситуация. Кузнец колхоза «Производитель» Амурской области Шементов, середняк, говорил колхозникам: «Нам тоже надо потребовать пайки, мы тоже пролетариат, без хлеба и без штанов остались» [РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 39. Д. 29. Л. 58].

Однако центральные и дальневосточные власти уделяли проблеме обеспечения сельского населения продуктами питания и промтоварами второстепенное внимание, заботясь лишь о предотвращении «обратничества» среди переселенцев, отведении угрозы крестьянских выступлений и срыва

сельскохозяйственных работ. Основной же акцент в первой половине 1930-х гг. делался на пайковом снабжении промышленных предприятий и населения крупных городов.

Беспокойство власти было вызвано и отношением армии к карточной системе. Существенный рост по ОКДВА⁴ отрицательных настроений среди красноармейцев был отмечен в 1932 г. Например, в январе 1932 г. недовольных было выявлено 501 чел., а в апреле — 904 чел. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 278]. Среди них были и командиры, и рядовые, и беспартийные, и члены партии или комсомольцы. Социальный статус не играл при этом определяющей роли. К примеру, командир батареи 77-го полка Володин, член ВКП(б), говорил: «Чего только думают в центре, давно бы пора прекратить всякие хлебозаготовки. Ведь всё крестьянство готово к восстанию, что солома — достаточно спички и вспыхнет, не хватает только руководителя, чтобы начать восстание». Красноармеец Смолик после получения письма об отсутствии хлеба в родной деревне делился с сослуживцами: «У власти сидят те люди, которые не нужны крестьянам и ведут издевательскую политику» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303]. «Сейчас рабочие голодают и бегут с предприятий, потому что плохо платят и плохо снабжают продуктами питания... Причина кроется, конечно, в неверной политике партии и власти», — высказывался командир батареи 35-го артполка Миронов, беспартийный, из семьи служащих [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 304—305]. Странники подобных настроений подвергали резкой критике действия властных структур, называя их пагубными и обманными, направленными преимущественно на «разорение крестьянства через коллективизацию». Они утверждали, что именно в результате такой политики «всё население терпит голод, нужду, нищету».

Итак, в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке действовала жёсткая система нормированного распределения, в которой каждой категории населения было отведено своё место, зависевшее и от социально-политических приоритетов центральной власти, и от экономических возможностей их обеспечения на уровне региона. Эта система в какой-то мере позволила решить проблему снабжения быстро растущего населения региона, но могла удовлетворить лишь минимальные потребности людей в товарах первой необходимости. Отношение дальневосточников к карточной системе было неоднозначным. С одной стороны, присутствовало осознание того, что в условиях кризиса снабжения это вынужденная и временная мера, без которой государство не смогло бы обеспечить выполнение грандиозных планов социалистического строительства. С другой — дальневосточники, пережившие периоды революции, Гражданской войны и нэпа при относительно благополучном и непрерывном характере развития торговли, едва ли не более остро, чем население других регионов страны, воспринимали лишения периода карточного распределения. Многочисленные источники позволяют заключить, что здесь преобладали критические настроения среди различных слоёв населения. Люди были недовольны как организацией нормированного снабжения, так и политикой руководства страны, результатом которой оно явилось.

⁴ ОКДВА — Особая Краснознамённая Дальневосточная армия.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Борьба за улучшение снабжения трудящихся масс и задачи дальнейшего развёртывания советской торговли. М.: Партиздат, 1932. 40 с.
2. Васильев А.Н. За большевистскую организацию рабочего снабжения. М.: Изд-во Иванов. Пром. обл., 1932. 104 с.
3. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1997. 328 с.
4. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина; отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2)
5. Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920—30-е гг. // Запад, Восток и Россия: Символы Власти и Власть Символа: Вопросы всеобщей истории: Сб. научн. и учеб.-метод. трудов (Ежегодник) / под ред. проф. В.Н. Земцова. Екатеринбург, 2013. Вып. 15. С. 29—33.
6. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 472 с.
7. Дударь Л.А. Внутренняя торговля Дальнего Востока России (1917 — июнь 1941 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 28 с.
8. Дударь Л.А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928—1934 годах // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1061—1065.
9. Дударь Л.А. Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е — начало 40-х годов XX века) // Ойкумена. 2010. № 2 (13). С. 23—30.
10. Дударь Л.А., Исаев А.А. Дальневосточная деревня в системе карточного распределения (первая половина 30-х годов XX века) // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию кафедры истории ФГОУ ВПО БГСХА им. В.Р. Филиппова. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2009. С. 15—19.
11. Кедров Н.Г. Крестьянские письма во власть как форма политической репрезентации (на материалах северной деревни 1930-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2011. № 1. С. 337—343.
12. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 344 с.
13. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 207 с.
14. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). М.: Мысль, 1964. 439 с.
15. На борьбу с прогулами, за улучшение рабочего снабжения. Статьи и материалы. М.: Партиздат, 1933. 45 с.
16. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
17. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1998. 271 с.
18. Резолюции IX съезда потребкооперации ДВК 6—10 сентября 1931 г. Хабаровск: Далькрайсоюз, 1931. 33 с.
19. Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 395 с.
20. Слабнина Л.А. Материальное положение городского населения Дальневосточного края (1922 — конец 30-х гг.) // Гуманитарные и социально-экономические аспекты обучения и воспитания кадров военно-морского флота. Сб. науч. трудов ТОВМИ им. С.О. Макарова. Владивосток, 2007. Вып. 10. С. 72—91.

21. Стасюкевич С.М. Продовольственная ситуация в Забайкальской деревне накануне коллективизации // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего истор. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16—17 октября 2018 г. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 419—424.
22. Стасюкевич С.М. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. на Дальнем Востоке // Российская история. 2016. № 1. С. 98—115.
23. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.
24. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2001. 442 с.
25. Чернышова А.В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) // Социология власти. 2005. № 4. С. 114—121.
26. Чуркин В.Ф. К вопросу о политических настроениях российского крестьянства в 20-е — начало 30-х годов XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Т. 26. № 8 (151). С. 180—186.
27. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922—1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 26 с.
28. Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices and Consumption, 1917—1953. Princeton: Princeton univ. press, 2004. 366 p.
29. Randall A. The Soviet Dream World of Retail and Consumption in the 1930s. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 252 p.
30. ГААО (Гос. арх. Амурской области).
31. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
32. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
33. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
34. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. *Bor'ba za uluchshenie snabzheniya trudyashchikhsya mass i zadachi dal'neyshego razvertyvaniya sovetskoy trgovli* [The Struggle to Improve the Supply of the Working Masses and the Task of Further Deployment of the Soviet Trade]. Moscow, Partizdat Publ., 1932, 40 p. (In Russ.)
2. Vasil'ev A.N. *Za bol'shevistskuyu organizatsiyu rabochego snabzheniya* [For the Bolshevik Organization of Labor Supply]. Moscow, Ivanov. Prom. Obl. Publ., 1932, 104 p. (In Russ.)
3. *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918—1932 gg.* [Voice of the People. Letters and Responses of Ordinary Soviet Citizens about the Events of 1918—1932]. Executive ed. A.K. Sokolov. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 328 p. (In Russ.)
4. *Dal'niy Vostok Rossii v epokhu sovetskoy modernizatsii: 1922 — nachalo 1941 goda* [The Far East of Russia in the Era of Soviet Modernization: 1922 — the Beginning of 1941]. Ed. by Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences V.L. Larin; ed.-in-chief L.I. Gallyamova. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 656 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 2 [The History of the Far East, vol. 3, book 2]) (In Russ.)

5. Darenskaya I.V. «Pis'ma vo vlast'» kak istochnik analiza otnosheniy vlasti i obshchestva v 1920—30-e gg. [“Letters to Power” as a Source of Analysis of the Relations of Power and Society in the 1920s—1930s]. *Zapad, Vostok i Rossiya: Simvol'y Vlasti i Vlast' Simvola: Voprosy vseobshchey istorii: Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov (Ezhegodnik)* [West, East and Russia: Symbols of Power and Power of the Symbol: Questions of World History: Collection of the Scientific, Learning and Teaching Proceedings (Yearbook)]. Ed. by prof. V.N. Zemtsov. Ekaterinburg, 2013, iss. 15, pp. 29—33. (In Russ.)
6. Dikhtyar G.A. *Sovetskaya trgovlya v period postroeniya sotsializma* [The Soviet Trade during the Construction of Socialism]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, 472 p. (In Russ.)
7. Dudar' L.A. *Razvitie vnutrenney trgovli Dal'nego Vostoka Rossii (oktyabr' 1917 g. — iyun' 1941 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Internal Trade of the Russian Far East (1917 — June 1941). Author's abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 1998, 28 p. (In Russ.)
8. Dudar' L.A. Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnykh kategoriy naseleniya SSSR v 1928—1934 godakh [Card System of Supply of Various Categories of the Population of the USSR in 1928—1934]. *Kontsept*, 2014, vol. 20, pp. 1061—1065. (In Russ.)
9. Dudar' L.A. Rastraty i khishcheniya v dal'nevostochnoy trgovle (30-e — nachalo 40-x godov XX veka) [Embezzlement and Misappropriation in the Far Eastern Trade (the 1930s — the Early 1940s)]. *Oykumena*, 2010, no 2 (13), pp. 23—30. (In Russ.)
10. Dudar' L.A., Isaev A.A. Dal'nevostochnaya derevnya v sisteme kartochnogo raspredeleniya (pervaya polovina 30-x godov XX veka) [The Far Eastern Village in the System of Card Distribution (the First Half of the 1930s)]. *Sibir' i Rossiya: osvoenie, razvitie, perspektiv*. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashh. 70-letiyu kafedry istorii FGOU VPO BGSHA im. V.R. Filippova. [Siberia and Russia: Development, Prospects: Proceedings of the All-Russian Applied Science Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Department of History of the Buryat State Academy of Agriculture Named after V.R. Filippov], Ulan-Ude, BGSHA im. V.R. Filippova Publ., 2009, pp. 15—19. (In Russ.)
11. Kedrov N.G. Krest'yanskije pis'ma vo vlast' kak forma politicheskoy reprezentatsii (na materialakh severnoy derevni 1930-x gg.) [Peasant Letters to Power as a Form of Political Representation (Based on the Materials of the Northern Village of the 1930s)]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*, 2011, no. 1, pp. 337—343. (In Russ.)
12. Livshin A.Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917—1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917—1932], Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPeN); Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina” Publ., 2010, 344 p. (In Russ.)
13. Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Vlast' i obshchestvo: Dialog v pis'makh* [Power and Society: Dialogue in Letters]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, 207 p. (In Russ.)
14. Malafeev A.N. *Istoriya tsenoobrazovaniya v SSSR (1917—1963 gg.)* [The History of Pricing in the USSR (1917—1963)]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, 439 p. (In Russ.)
15. *Na bor'bu s progulami, za uluchshenie rabochego snabzheniya. Stat'i i materialy* [On Struggle with Truancy, for Improvement of Worker Supply. Articles and Materials]. Moscow, Partizdat Publ., 1933, 45 p. (In Russ.)
16. Osokina E.A. *Ierarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudei v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928—1935 gg* [Hierarchy of Consumption. About the Life of People in Conditions of Stalinist Supply. 1928—1935]. Moscow, MGOU Publ., 1993, 144 p. (In Russ.)
17. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilya». Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii 1927—1941* [Behind the Facade of “Stalin's

- Abundance". Distribution and Market in Supplying the Population during Industrialization in 1927—1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, 271 p. (In Russ.)
18. *Rezolyutsii IX s'ezda potrebnkooperatsii DVK 6—10 sentyabrya 1931 g.* [Resolutions of the 9th Congress of Consumer Cooperation of the DVK on September 6—10, 1931]. Khabarovsk, Dal'kraysoyuz Publ, 1931, 33 p. (In Russ.)
  19. Rubinshteyn G.L. *Razvitiye vnutrenney torgovli v SSSR* [The Development of Internal Trade in the USSR]. Leningrad, LGU Publ., 1964, 395 p. (In Russ.)
  20. Slabnina L.A. Material'noe polozhenie gorodskogo naseleniya Dal'nevostochnogo kraya (1922 — konets 30-kh gg.) [The Financial Situation of the Urban Population of the Far Eastern Region (1922 — the End of the 1930s)]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty obucheniya i vospitaniya kadrov voenno-morskogo flota*. Sb. nauch. tr. TOVMI im. S.O. Makarova [Humanitarian and Socioeconomic Aspects of Teaching and Education of Personnel of the Navy. Proceedings of the S.O. Makarov Pacific Higher Naval School]. Vladivostok, 2007, iss. 10, pp. 72—91. (In Russ.)
  21. Stasyukevich S.M. Prodoval'stvennaya situatsiya v Zabaykal'skoy derevne nakanune kollektivizatsii [The Food Situation in the Trans-Baikal Village on the Eve of Collectivization]. *Kul'turno-istoricheskoe nasledie Rossii i stran Aziatsko-Tixookeanskogo regiona: issledovanie i soxranenie: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashh. 100-letiyu vy'sshego istor. obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii*, Vladivostok, 16—17 oktyabrya 2018 g.) [Cultural and Historic Heritage of Russia and the Countries of the Asia-Pacific Region: Research and Preservation: Proceedings of the International Applied Science Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Higher Historical Education in the Russian Far East (Vladivostok, 16—17 September 2018)]. Khabarovsk, RIO DVYuI MVD Rossii Publ., 2018, pp. 419—424. (In Russ.)
  22. Stasyukevich S.M. Khlebozagotovitel'ny'e kampanii 1920-x gg. na Dal'nem Vostoke [Grain Procurement Campaigns in the Far East in the 1920s]. *Rossiyskaya istoriya*, 2016, no 1, pp. 98—115. (In Russ.)
  23. Fitzpatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 1930s: City]. Transl. from Eng. by L.Yu. Pantin. The 2nd Edition. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 336 p. (In Russ.)
  24. Fitzpatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 1930-e gg.: derevnya* [Stalinist Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 1930s: Village]. Transl. from Eng. by L.Yu. Pantin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 422 p. (In Russ.)
  25. Cherny'shova A.V. «Pis'ma vo vlast'» kak otrazhenie rezul'tatov gosudarstvennoy politiki (istoricheskiy aspekt) ["Letters to Power" as a Reflection of the Results of State Policy (Historical Aspect)]. *Sotsiologiya vlasti*, 2005, no 4, pp. 114—121. (In Russ.)
  26. Churkin V.F. K voprosu o politicheskikh nastroyeniyyakh rossiyskogo krest'yanstva v 20-e — nachalo 30-kh godov XX v. [On the Question of the Political Sentiments of the Russian Peasantry in the 1920s — the Early 1930s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2013, vol. 26, no 8 (151), pp. 180—186. (In Russ.)
  27. Shestak O.I. *Sovetskaya sotsial'naya politika i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (1922—1941 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet Social Policy and Its Implementation in the Far East (1922—1941). Author's Abstract of the PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 2003, 26 p. (In Russ.)
  28. Hessler J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices and Consumption, 1917—1953*. Princeton, Princeton univ. press Publ., 2004, 366 p. (In Eng.)
  29. Randall A. *The Soviet Dream World of Retail and Consumption in the 1930s*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2008, 252 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 14.01.2022